
Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании

Мещерякова Э.И., доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологической экспертизы, профессор кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет (*mei22@mail.ru*)

Ларионова А.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии, Томский государственный университет, доцент кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (*vktusur@mail.ru*)

Карелин Д.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Юридический институт Томского государственного университета (*karelin@inbox.ru*)

Козлова Н.В., доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии, Томский государственный университет (*akme_2003@mail.ru*)

В статье ставится проблема экстремизма, рассматриваемая через призму деформации правосознания молодежи, искажения смыслов жизнедеятельности и формирования негативной идентичности. Предложен междисциплинарный подход к рассмотрению правосознания (юриспруденция и психология) как одного из факторов формирования экстремистской направленности молодежи. Представлен опыт исследования экстремистской направленности и самоидентичности осужденных за экстремистскую деятельность с выделением типов «Борец», «Защитник», «Жертва», «Ищущий». Проанализирована взаимосвязь выделенных типов экстремистской направленности осужденных за экстремизм и их роли в преступлении («Организатор», «Соучастник», «Исполнитель»). Обнаруженные особенности идентичности осужденных за экстремизм отражают динамику их правосознания в условиях отбывания наказания, позволили наметить программы психопрофилактики и психокоррекции экстремистской направленности личности во всех ее аспектах (правовом, социальном, педагогическом и психологическом).

Ключевые слова: экстремизм, правосознание, молодежь, самоидентичность, личностные особенности.

Для цитаты:

Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании. [Электронный

ресурс] // Психология и право. 2018(8). №3. С. 123-134.
doi: 10.17759/psylaw.2018080309

For citation:

Mesheryakova E.I., Larionova A.V., Karelin D.V., Kozlova N.V. Extremist orientation of personality in legal and psychological knowledge. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 3. pp. 123-134.
doi: 10.17759/psylaw.2018080309

В настоящее время проблема экстремизма занимает одно из наиболее важных мест в современном научном дискурсе. Предпосылками актуализации этой деструктивной по содержанию проблемы являются сложный, разнообразный по многим параметрам состав российского общества и существующие социально-экономические и политические противоречия. Проблема экстремизма исследуется в различных областях и направлениях научного знания, однако, в силу сложности самого явления и исторической изменчивости, а также многочисленности вариантов экстремизма по линии субъект–объект, проблема экстремизма на сегодня еще не является решенной. Актуальность проблемы исследования особенностей формирования и профилактики экстремистской направленности молодежи заключается в интенсивности развития ее негативных ориентаций в результате социально-экономических перемен и обострения общественных противоречий. Вследствие этого происходит утрата жизненных смыслообразующих идеалов, недоформированность идентичности, деформация ценностей в общественном и индивидуальном сознании.

Изучение феномена правосознания имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, как для юридической, так и для психологической науки. Любое правонарушение, в том числе и экстремистской направленности, является результатом взаимодействия определенных антиобщественных свойств личности и ситуации их совершения. Наряду с исследованием структуры мотивационной сферы человека, доминирующих мотивов его жизнедеятельности, обусловивших правонарушающее поведение и криминальную активность, правосознание позволяет раскрыть нравственно-психологическую подоплеку экстремистской направленности и выяснить, насколько личность восприняла нравственные, правовые и иные ценности общества. Получение этих психологических знаний о человеке позволяет определить, на каком уровне (индивидуальном, групповом, социальном, антропологическом), глубине и выраженности прошли процессы деформации правосознания, а также какие факторы оказали на это негативное влияние. Установление непосредственной связи того или иного фактора с правонарушающим поведением (наряду с другими характеристиками личности) позволит определить так называемый портрет «среднестатистического» экстремиста, осуществить типологию лиц, совершивших правонарушения экстремистской направленности, обозначить основные направления и повысить эффективность психопрофилактики этого социально-правового явления.

Юриспруденция учит, что в самом общем виде под правосознанием понимается совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных групп, общества в целом к действующему и желаемому праву [8]. Правовое регулирование рассчитано на поведение субъекта, которое характеризуется единством сознания и воли. Но в любом обществе в силу его социальной неоднородности правовое сознание дифференцировано и поэтому законодатель в первую очередь учитывает интересы той

социальной группы, которая в конкретный исторический период имеет политическую и экономическую власть. Формулируя правовые предписания и запреты, государство, с одной стороны, закрепляет приоритеты и отправные положения, которые должны способствовать дальнейшему прогрессивному развитию, ориентируя и формируя, с другой стороны, определяет отношение к ним со стороны граждан как к одобряемым и поощряемым либо изменению их отношения, производя тем самым переоценку тех или иных ценностей (материальных, духовных). В результате этого происходит процесс взаимодействия видов сознания – общественного, нравственного, эстетического, религиозного с правовым сознанием и с правом, как универсальным социальным регулятором в целом.

Правосознание в юридической науке

В юридической науке в правосознании традиционно выделяют в качестве элементов правовую идеологию и правовую психологию. Идеи, теории, убеждения, понятия, взгляды, выражающие отношение людей к действующему и желаемому праву, образуют правовую идеологию. Роль главного и активного элемента в правосознании принадлежит правовой идеологии как научно обоснованному, теоретизированному и систематизированному отражению правовой действительности. В основе правовой идеологии находится принятая в обществе система политических и правовых идей. Правовая психология описывает такие элементы правосознания, как чувства, эмоции, переживания, которые испытывают люди по поводу тех или иных проявлений права и своей правовой деятельности (издания юридических норм, их реализации, законность). Актуальность этой проблемы для современной России трудно переоценить. Так, по мнению некоторых исследователей, наблюдается аномальность правосознания, в силу чего правовая идеология и реальная правовая психология не взаимообуславливают друг друга [5]. Правовая психология, в отличие от правовой идеологии, складывается стихийно и носит несистематизированный, неформальный характер. В то же время в правосознании она может иметь даже первичный характер, поскольку зачастую правовые чувства и эмоции возникают ранее правовых идей. Правовая психология определяет обыденную ценностную ориентацию субъектов в правовой сфере, субъектность личности в правовой сфере.

Исследователи классифицируют правосознание по различным основаниям [11]. В зависимости от социального уровня разделяют обыденное правосознание, профессиональное (правосознание юристов) и научное правосознание. С точки зрения общности правовое сознание может быть представлено массовым правосознанием (классов, наций, народа), групповым (коллективные представления и чувства формальных и неформальных групп) и индивидуальным правосознанием (конкретного индивида). Основными функциями правосознания являются познавательная, оценочная и регулятивная. Также выделяют функции правового моделирования, прогностическую, воспитательную и другие. Регулирующая роль правосознания проявляется в совершении лицом правомерных поступков даже при отсутствии знания тех или иных конкретных правовых предписаний. В случае знания субъектом о существовании конкретных запретов и предписаний уровень правосознания влияет на общую нормативно-правовую ориентацию индивида [10].

В юридической науке, несмотря на непосредственную связь права и правосознания, вопросы их взаимодействия, природы и уровней правосознания все еще относятся к числу дискуссионных либо мало разработанных. Так, проблема структуры правового сознания является для юридической науки относительно новой. Ее предметное изучение началось в

60-е гг. прошлого века, когда специальному исследованию подверглась диалектика взаимосвязей и взаимодействия правовой идеологии и правовой психологии [12]. Очевидно, что произошедшие в России за последние десятилетия изменения в социальной и духовной сферах жизнедеятельности общества, изменения нормативного характера на уровне Конституции, закрепившие, с одной стороны, отсутствие какой-либо государственной или обязательной идеологии, а с другой, – положения антидискриминационного характера (по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе и т. п.), требуют переосмысления указанных выше взаимосвязей при включении их в механизм правовой социализации личности. Формально опустевшая идеологическая ниша оказалась открыта для идеологий самых различных направленностей (от потребительской и правового нигилизма до экстремистской). И на примере молодежи, как наиболее социально-активной части общества и наиболее восприимчивой к любым негативным и позитивным изменениям, это проявляется наиболее отчетливо. Правовая социализация как формирование правового сознания должна осуществляться в условиях четкого и единообразного понимания сущности самого явления экстремизма и его многочисленных форм. Это демонстрирует не только нормативную, но и идеологическую роль структурных компонентов правовой действительности (таких, как право и правосознание).

К сожалению, действующее российское законодательство в этой части вряд ли может быть признано сформированным и не нуждающимся в дальнейшем совершенствовании. Доказательством тому служат многочисленные изменения, вносимые как в «титульный» закон (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.06.2002 № 114-ФЗ), так и в Уголовный кодекс России и другие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы противодействия экстремизму. Нет единого определения понятия «экстремизм» и на международном уровне. Все это, безусловно, размывает границы рассматриваемого явления, затрудняет его идентификацию, а, следовательно, восприятие как дозволенного либо запрещаемого.

В случае отсутствия сформированных психических переживаний и состояний субъекта (как элементов правовой психологии) по поводу должного поведения и контр-мотивов (аргументов) относительно недопустимости умаления прав и свобод других лиц по признакам пола, расы, национальности и т. п. вряд ли можно рассчитывать на эффективность мер противодействия экстремизму, изменяя и усиливая меры репрессивного характера. К сожалению, изменение в 2016 г. возраста уголовной ответственности до 14 лет за совершение преступлений террористического характера (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (статья 205.3), участие в террористическом сообществе (часть вторая статьи 205.4), участие в деятельности террористической организации (часть вторая статьи 205.5), несообщение о преступлении (статья 205.6), участие в незаконном вооруженном формировании (часть вторая статьи 208), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (статья 360), акт международного терроризма (статья 361) свидетельствует о том, что, по мнению законодателя, именно карательная направленность определяет содержание правовой идеологии противодействия экстремизму на современном этапе.

Продуктивным является рассмотрение экстремизма в контексте трех форм насилия, которые описывает в своей работе J. Galtung (1990) [14]. Такое рассмотрение позволяет

сделать вывод о том, что экстремистское поведение и деятельность отдельных личностей и групп можно отнести к прямому насилию; действия власти, общества, провоцирующие социальное, этническое и т.п. неравенство, – к структурному насилию; а экстремистская идеология и ее пропаганда являются примером культурного насилия [14; 15]. При этом экстремистские идеи (как компоненты культурного насилия), обличенные в форму псевдопатриотизма, лжеборьбы за права народа, формирующие позитивные представления об экстремизме и терпимое и/или позитивное отношение к данному явлению, в конечном счете используются для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия (распространения социального неравенства и экстремистских проявлений). В результате экстремистские проявления начинают рассматриваться населением как необходимые, справедливые действия, нормальные, естественные явления. Все это в итоге ведет к экстремизации массового сознания, распространению и принятию в обществе экстремистской идеологии, формированию экстремистской направленности личности.

Таким образом, обнаружена связь проявлений молодежного экстремизма с дефектами правосознания молодежи (Бочаров, Мещерякова, 2015) [3; 4]. Действительно, одновременно с экономической и политической социализацией молодежь находится в процессе правовой социализации, неотъемлемым элементом которой является формирование правового самосознания. Дефекты правовой социализации обусловлены, в том числе, отсутствием либо искаженным представлением о сущности, роли и предназначении права как важнейшего регулятора социального аспекта жизнеосуществления человека. По мнению авторов, к наиболее распространенным дефектам правового самосознания относятся правовой нигилизм и правовой идеализм, релятивизм, субъективизм, инфантилизм. И если для лиц несовершеннолетнего возраста инфантилизм, в том числе правовой, обусловлен их возрастными особенностями, то в более старшем (молодежном) возрасте низкий уровень правового самосознания и чувства ответственности относительно поведения в рамках права, несформированность и(или) недостаточность правовых знаний и установок являются результатом процесса правовой социализации личности, дефектом этого процесса.

Психология экстремизма

Исследователями отмечается, что самыми распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, которые представляют преобладающий чувственный и рациональный уровни сознания молодежи. Рост экстремальности, который чаще всего проявляется в девиантном (рисковом) поведении, может являться условием делинквентного или виктимного поведения, а также стать предпосылкой специфических увлечений, например, необычными видами деятельности, экстремальными видами спорта, различными радикальными идеями [9]. По мнению О.В. Корниловой (2012), специфические мотивы совершения экстремистских и террористических преступлений возникают на стыке экстремальности, делинквентности и радикальных идей. Экстремистская направленность личности, которая выражается в одобрении экстремистских идей и трансформации всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с экстремистскими идеями, является основной особенностью содержания экстремизма как психического склада личности. Особую роль в структуре экстремистской направленности представляет потребность изменения жизни, обязательной реализации сверхценной идеи социального реформаторства [9].

К.А. Абульханова (2002) подчеркивает, что в проблеме молодежного экстремизма необходимы исследования идентичности (самоидентичности) представителей молодежи, так как экстремизм означает поиск ими оптимальных форм социального взаимодействия. Личность, используя категоризацию и идентификацию, выстраивает модели собственного жизненного пространства, осознает свою идентичность [1].

Понятие идентичности берет свое начало из психоанализа, являясь своего рода метафорой процесса опознания и отождествления. Формирование идентичности предполагает усвоением человеком ценностей, норм, традиций референтной группы. Идентичность переводит коды общепринятого поведения в плоскость индивидуального существования [6]. А негативная идентичность характеризует личность по принципу «против кого-то», «от противного», эксплуатируя образы враждебности, агрессивности, неприязни, ненависти, противостояния и противодействия (Гудков, 2004). Этот процесс Эрик Эриксон (2006) назвал состоянием нескладывания Я-концепции [13]. Негативная (отрицательная) идентичность чаще всего делает мир личности одномерным, примитивным, наполненным фанатизмом, маргинальными смыслами, что легко трансформируется в экстремизм и терроризм.

В.Ф. Богуславская (2010), рассматривая структуру коллективной идентичности экстремистских организаций, отмечает, что в основе молодежного экстремизма лежит этноцентризм – переплетение конфликтных эмоций, чувств, идеологии между «своей группой и «чужой», при этом образ «своей» группы подчеркивается в положительном контексте, а «чужой» в резко отрицательном. Таким образом, коллективная (коллективистская) идентичность создает психологическую основу для индивидуального поведения, где на личностном уровне происходит формирование групповой идентичности [2].

Исследователи проблемы молодежного экстремизма сходятся во мнении, что причина экстремизации молодежи кроется в особенностях самой молодежи – незаконченность процесса социализации (экономической, политической и духовной), мировоззренческой неустойчивостью, социально-психологической незрелостью, склонностью к максимализму и неуверенностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей.

Авторский опыт исследования

Экстремизация массового сознания, распространение и принятие в обществе экстремистских взглядов, формирование экстремистской направленности личности и прочие дефекты правового самосознания связываются нами с выраженными нарушениями социальной и личностной идентичности человека, где вычленяется центральная проблема доверия и личностной автономии, персонального мифа, взаимосвязи личностных детерминант и мотивации. Выделен ряд личностных предрасположенностей, которые становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь экстремизма/терроризма: сверхсосредоточенность на защите своего Я; дефекты личной и социальной идентичности; низкая самооценка; выраженная потребность в присоединении к референтной группе; отсутствие четких целей и жизненной перспективы. Приведенный набор характеристик является неким условным психологическим портретом личности экстремиста/террориста. Важным являются, в некоторых случаях, политико-идеологические мотивы включения в террористические группировки. Однако эти мотивы

чаще всего являются своеобразной рационализацией глубинных мотивов личности – потребности в укреплении идентичности и принадлежности к группе.

В качестве групп изучения были выбраны осужденные за экстремистскую деятельность с целью изучения особенностей взаимосвязи особенностей отношения к собственному преступлению после осуждения с их компонентами личности (личностные особенности, самоидентичность). Выборку исследования составили осужденные за преступления экстремистского/террористического содержания и преступления, сопутствующие им (далее по тексту осужденные за экстремизм). На момент исследования осужденные за экстремизм отбывали наказание за преступления экстремистского содержания в пенитенциарном учреждении УФСИН России по Томской области. Срок исполнения наказаний за совершенные преступления составил от 7 до 25 лет, средний срок $13,85 \pm 4,41$ лет. Первую судимость по указанным статьям имели 88% респондентов (46 человек), 12% (6) ранее были судимы по статьям, не связанным с экстремистской деятельностью. Выборка формировалась на основании исследования официальных документов и следственных материалов – приговора и биографии, что позволило составить первичное представление о социально-демографических, уголовно-правовых и психологических особенностях осужденного, его семейном положении и условиях трудовой деятельности.

В результате психодиагностики с применением пакета методик и статистического анализа были изучены характеристики особенностей взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности. Результаты многомерного анализа соответствий ответов осужденных за экстремизм на вопросы анкеты позволили выделить типы экстремистской направленности, которые получили условное название согласно их содержанию: Первая группа характеризуется объединением следующих вариантов ответов: «Оправдание экстремистских действий – защита определенной группы людей», «Кто виновен в преступлении – третьи лица», «Мотивы преступления – неприязнь к отдельным лицам». Данная группа ответов была названа «Защитник». Вторая группа ответов объединила такие варианты: «Оправдание экстремистских действий – донесение идеи до народа, государства», «Кто виновен в преступлении – государство», «Мотивы преступления – религиозные», «Кем вы себя считаете после осуждения – борец за идею». Данная группа ответов была названа «Борец». Третья группа характеризуется сопряженностью следующих ответов на вопросы: «Причины экстремизма – деформация системы ценностей/другое», «Оправдание экстремистских действий – никогда/другое», «Мотивы преступления – другое», «Кто виновен в преступлении – алкоголь/наркотики/другое», «Кем вы себя считаете после осуждения – другое». Преобладание варианта ответа «Другое» на вопросы анкеты без раскрытия содержания было проинтерпретировано как неопределенность в отношении к экстремистской деятельности. Данная группа ответов получила название «Ищущий». Четвертая группа ответов объединила следующие варианты: «Причины экстремизма – целенаправленное разжигание агрессии/недостаточное правовое просвещение граждан», «Мотивы преступления – желание привлечь внимание общественности», «Кто виновен в преступлении – я сам», «Кем вы себя считаете после осуждения – жертвой обстоятельств». Данная группа ответов получила название «Жертва». Таким образом, выделены четыре типа экстремистской направленности – «Защитник», «Борец», «Ищущий» и «Жертва», которые были обозначены как типы экстремистской направленности, реализованной в криминальном поведении. Далее по результатам кластерного анализа с использованием метода Уорда и метрики Сити–Блок были получены два кластера, объединивших типы экстремистской направленности и роли в преступлении

(организатор, соучастник и исполнитель). Так, роль в преступлении «исполнитель» больше связана с типами экстремистской направленности «Жертва» и «Ищущий»; роли в преступлении «соучастники» и «организатор» сильнее связаны с типами экстремистской направленности «Борец» и «Защитник». Полученные данные указывают на взаимосвязь роли участия осужденных за экстремизм в экстремистской деятельности и типа экстремистской направленности, отражающей смыслы и отношения субъектов данной деятельности. Выявленные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что личностные смыслы экстремизма у осужденных исполнителей экстремистских актов (типы «Жертва» и «Ищущий») характеризуются низким уровнем осмысленности, большей подчиненностью группе, ориентированностью на групповые ценности, перенимаемые без должного осмысления. Это подтверждают трансформация и изменение смыслов экстремизма в условиях заключения. Осужденные соучастники и организаторы экстремистских актов (типы «Борец» и «Защитник»), напротив, характеризуются устойчивостью картины мира, осмысленностью экстремистской деятельности. Это подтверждает тот факт, что их смыслы экстремизма сохраняются даже в условиях отбывания наказания.

Полученные результаты отражают наличие еще одной проблемы, которую затронул в своих исследованиях П.Н. Казберов (2013): «С осужденными за терроризм и экстремизм не проводится практически никакой работы. В колониях есть пенитенциарные психологи, однако они не всегда готовы работать с подобной категорией осужденных. Поэтому вопросы профилактики терроризма и экстремизма, в частности среди осужденных за данные преступления, весьма актуальны. В среде осужденных постоянно существует риск эмоционально-психологического и идеологического «заражения» других осужденных» [7].

Таким образом, обнаруженные нами особенности идентичности осужденных за экстремизм отражают динамику их правосознания в условиях отбывания наказания, позволяют наметить программы психопрофилактики и психокоррекции экстремистской направленности личности во всех ее аспектах (правовом, социальном, педагогическом и психологическом). В этих программах мы методологически сосредотачиваемся на одном из многочисленных психологических механизмов экстремистского поведения, созидающемся в онтогенезе – на отсутствии базового доверия человека к миру, закономерно порождающего различные формы нарушения правосознания и приводящие к жизнеосуществлению человека к девиантности, делинквентности и криминальности.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-01116 А.

Литература

1. Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2002. С. 88–103.
2. Богуславская В.Ф. Влияние толерантности на профилактику экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Наука и образование против террора, 2010. URL: <http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede/> (дата обращения: 14.01.2018).

3. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 107–122.
4. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики) // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 21–33.
5. Головина И.В. Особенности взаимодействия философии и правосознания в России: автореф. дисс... канд. филос. Наук. М., 2005. 213 с.
6. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
7. Казберов П.Н. О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (дата обращения: 01.05.2018).
8. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Норма-Инфра-М, 2004. 442 с.
9. Корнилова О.А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 43 с.
10. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит, 1973. 344 с.
11. Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М, 2002. 616 с.
12. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 205 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
14. Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. № 3. P. 291–305.
15. Ginges J., Atran S, Sachdeva S., Medin D. Psychology out of the laboratory: the challenge of violent extremism // American Psychologist. 2011. № 66. P. 50–519.

Extremist orientation of personality in legal and psychological knowledge

Mesheryakova E.I., Dr. of Sci. (Psychology), Head of the Laboratory of Psychological Expertise, Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University (mei22@mail.ru)

Larionova A.V., PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (vktusur@mail.ru)

Karelin D.V., PhD (Law), Associate Professor of the Department of Penal Law and Criminology of the Law Institute, Tomsk State University (karelin@inbox.ru)

Kozlova N.V., Dr. of Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University (akme_2003@mail.ru)

The article addresses the problem of extremism considered through the prism of deformation of young people's legal awareness, distortion of their life meaning and formation of negative identity. An interdisciplinary approach to legal awareness (law and psychology) as one of the factors of formation of personality extremist orientation in young people is proposed. The article presents a study on the extremist orientation and self-identity of those convicted of extremist activities, where the following types were revealed: "Fighter", "Defender", "Victim" and "Seeker". The interrelation between the extremist orientation types identified in the convicts and their criminal role ("Organizer", "Accomplice" and "Performer") was analyzed. The revealed identity features of those convicted of extremism reflect the dynamics of their legal awareness under conditions of serving their sentence; this allowed us to outline programs of psycho-prophylaxis and psycho-correction of personality extremist orientation in all its aspects (legal, social, pedagogical and psychological).

Key words: extremism, legal awareness, youth, self-identity, personal features.

Funding

This work was supported by grant RFBR, project No. 18-013-01116 A.

References

1. Abul'khanova K.A. Sotsial'noe myshlenie lichnosti [Social thinking of personality]. *Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy. Ch. 3. Sotsial'nye predstavleniya i myshlenie lichnosti [Modern psychology: the state and prospects of research. Part 3. Social representations and thinking of personality]*. Moscow: Publ. Instituta psikhologii RAN, 2002, pp. 88–103.

2. Boguslavskaya V.F. Vliyanie tolerantnosti na profilaktiku ekstremizma v molodezhnoi srede [Elektronnyi resurs] [The influence of tolerance on the prevention of extremism in the youth environment]. Nauka i obrazovanie protiv terror [Science and education against terror], 2010. Available at: <http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede/> (Accessed: 14.01.2018).
3. Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Mnogomernaya tipologiya osuzhdennykh za ekstremizm na osnove faktornogo i klasternogo analiza rezul'tatov psikhodiagnostiki [The multidimensional typology of the convicted of extremism based on the factor and cluster analysis of psychodiagnostics results]. Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Psychology], 2015, № 55, pp. 107–122.
4. Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Tipologiya psikhologicheskikh faktorov otnosheniya studentov k ekstremizmu (po rezul'tatam anketirovaniya i psikhodiagnostiki) [Typology of Psychological Factors of Students' Attitude to Extremism (Based on Psychodiagnostics and Questioning Results)]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology], 2015, №1, pp. 21-33.
5. Golovina I.V. Osobennosti vzaimodeistviya filosofii i pravosoznaniya v Rossii. Avtoref. Diss. kand. filos. nauk. [Features of interaction of philosophy and sense of justice in Russia. Ph. D. (Philosophy) Thesis]. Moscow, 2005. 213 p.
6. Gudkov L. Negativnaya identichnost' [Negative identity]. Stat'i 1997–2002 gg. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2004. 816 p.
7. Kazberov P.N. O neobkhodimosti protivodeistviya ekstremistsko-terroristicheskimi proyavleniyam v obshchestve i v penitentsiarnoi sisteme [On the need to counteract extremist-terrorist manifestations in society and in the penitentiary system] [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (data obrashcheniya: 01.05.2018).
8. Komarov S.A., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. Moscow, 2004. 442 p.
9. Kornilova O.A. Marginal'naya lichnost' kak predposylka formirovaniya studencheskogo ekstremizma: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk [Marginal personality as a prerequisite for the formation of student extremism. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2012. 43 p.
10. Lukasheva E.A. Sotsialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost' [Socialist sense of justice and the rule of law]. Moscow, 1973. 344 p.
11. Teoriya gosudarstva i prava: uchenik dlya vuzov [The theory of state and law: a student for universities] / Pod red. V.M. Korel'skogo, V.D. Perevalova. Moscow: Infra-M, 2002. 616 p.
12. Farber I.E. Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya [Legal awareness as a form of public consciousness]. Moscow, 1963. 205 p.
13. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta, 2006. 352 p.

14. Galtung J. Cultural Violence // *Journal of Peace Research*. 1990. Vol. 27. №3. P. 291–305.
15. Ginges J., Atran S, Sachdeva S., Medin D. Psychology out of the laboratory: the challenge of violent extremism // *American Psychologist*. 2011. № 66. P. 50–519.